

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Kornai J. Dynamism, Rivalry, and the Surplus Economy: Two Essays on the Nature of Capitalism. Oxford University Press, 2013. — 208 p.

«Представьте на минутку, что идеи Маркса, Ленина и Троцкого материализовались, и мировая революция победила по всему земному шару, не оставив ни единого клочка капитализма. В этом случае у нас никогда не было бы компьютера и транзисторного приемника, холодильника и супермаркета, Интернета и эскалатора, CD и DVD-приводов, цифровой фотографии, мобильного телефона и всех прочих революционных технических изменений» (p. 23).

Приведенная цитата может показаться преувеличением, однако, по мнению Яноша Корнаи, это лишь констатация факта. Последняя книга автора таких известных работ, как «Экономика дефицита» и «Социалистическая система: политическая экономия коммунизма», посвящена преимущественно анализу капиталистической системы, ее основным отличиям от системы социалистической. По признанию самого автора, изначальный замысел был шире, предполагалось полномасштабное сравнение двух систем. Однако с учетом «возрастного лимита»¹ пришлось ограничиться рассмотрением только «реального сектора», оставив за рамками работы рынок капитала и банковскую систему. В этом смысле книга не является законченным трудом, а скорее приглашением к размышлениям и дальнейшим исследованиям, и Корнаи в первую очередь адресует ее молодым людям, которые еще только изучают экономику, в надежде, что для них его выводы послужат стимулом к работе в новых направлениях. Впрочем, автор выражает надежду, что и непредвзятый экономист любого возраста найдет в книге новые идеи.

В книге рассмотрены две основные темы: связь капитализма и технического прогресса, инноваций, и противопоставление социалистической и капиталистической систем по линии «экономика дефицита — экономика излишка». В первом эссе Корнаи обращается к вопросу инноваций. Основной тезис в этой части работы состоит в том, что высокий темп развития инноваций и динамизм являются не случайностью, а имманентным свойством капитализма. В качестве иллюстрации этого тезиса приводятся данные о странах, в которых были сделаны основные изобретения, связанные с потребительскими товарами (услугами) массового спроса за период с 1917 г. (точка отсчета построения социалистической системы) по 2010 г. (окончание сбора данных). Всего для иллюстрации отобрано 111 изобретений в таких областях, как компьютерные, информационные и коммуникационные технологии, домохозяйство, одежда, питание, здравоохранение, фармакология, офисные технологии, досуг, транспорт, торговля и банковские услуги. Согласно данным Корнаи только одно изобретение из 111 было сделано в рамках социалистической системы: синтетический каучук был изобретен в СССР в 1932 г. Все остальные изобретения, выбранные им для исследования, были сделаны в странах с капиталистической экономикой.

Корнаи перечисляет пять свойств капитализма, которые инициируют и поддерживают инновационный процесс в экономике: децентрализованная инициатива, потенциальная возможность получения гигантской прибыли в случае успеха, конкуренция, постоянное экспериментирование и гибкость финансирования. В социалистической системе все эти пять свойств оборачиваются своей проти-

¹ Я. Корнаи написал свою последнюю книгу в возрасте 85 лет.

воположностью, которая приводит к отсутствию инициативы и торможению инновационного процесса.

Корнаи отмечает три основных категории инноваций, которые не связаны с инновационным процессом по Шумпетеру, где главную роль играет частный предприниматель. Во-первых, это военные технологии. Безусловно, в этой сфере у стран социалистического блока было множество разработок, однако в силу специфики системы гражданское применение этих технологий затягивалось на десятилетия, в отличие от капиталистических стран. Скорость распространения любых инноваций в соцстранах оказывается существенно ниже. Во-вторых, это исследования, проводимые при грамотной поддержке государства. Корнаи не отрицает, что в ряде случаев такая поддержка крайне важна, особенно в тех областях, которые представляют собой общественное благо (например, охрана окружающей среды)¹. Наконец, в-третьих, это случайные исследовательские коллективы, занимающиеся интересными для них проблемами. Такое явление характерно в первую очередь для сферы компьютерных технологий. Однако при всей важности инновационных достижений в этих областях они составляют меньшую долю всех инноваций, появляющихся на рынке, где требования и ожидания потребителей играют решающую роль.

Во втором эссе Корнаи переходит от инноваций как неотъемлемого свойства капитализма к другой важной характеристике капиталистической системы — излишку предложения. Социалистическая же система характеризуется, напротив, дефицитом предложения. Четыре основные причины формирования избыточного предложения включают монополистическую конкуренцию, неопределенность в отношении спроса, инновацию и связанное с ней созидательное разрушение, а также экономию от масштаба.

Корнаи отмечает, что, помимо формирования излишка на рынке товаров и услуг, формируется также излишек предложения рабочей силы — безработица. По его мнению, безработица является таким же неотъемлемым свойством капитализма, как и излишек товаров и услуг. В качестве основных причин безработицы автор выделяет развитие капиталоемких технологий, структурную безработицу в связи с постоянными технологическими инновациями, согласование потребностей работодателей и работников, а также эффективную заработную плату как инструмент, позволяющий удерживать и мотивировать сотрудников. Безработица с точки зрения работодателя становится дисциплинирующим инструментом, так как формирует аналог марксовской «промышленной резервной армии».

Таким образом, в рамках капиталистической системы параллельно существуют излишек товаров и услуг и излишек рабочей силы, и полностью избавиться от безработицы невозможно. Существование излишка постулируется как доминирующее явление, характерное для длительных промежутков времени. Отдельные рынки отдельных товаров могут характеризоваться дефицитом даже в капиталистической экономике, однако преобладающим явлением будет все-таки излишек со стороны предложения.

Среди исключений из правила можно отдельно отметить случаи дефицита, имеющие место, по-видимому, во всех капиталистических экономиках, — дефицит, связанный с развитием государства, благосостояния, которое гарантирует своим гражданам определенный минимальный набор социальных благ (медицина, образование и т. п.). Как отмечает Корнаи, дефицит в этих областях

¹ В русле рассуждений Корнаи можно предположить, что деятельность, например, группы Роснано, которая призвана поддерживать социально и экономически значимые проекты в области нанотехнологий, вряд ли окажется эффективной, так как развитие нанотехнологий скорее не относится на данном этапе к сфере общественных благ. Рыночная среда дала бы более эффективную оценку предлагаемым проектам, нежели государственная компания.

наблюдается не только в том случае, если предоставлением таких услуг занимается государство, но и если эти услуги предоставляет, например, крупная страховая компания, специализирующаяся на обеспечении населения бесплатными медицинскими услугами. Интересно отметить, что автор при обсуждении этого вопроса не приходит к выводу, представляющемуся вполне логичным, — дело, действительно, не столько в государстве, сколько в бюрократии. Корнаи подчеркивает роль бюрократии в формировании экономики дефицита в социалистической системе, но не замечает, что бюрократия в целом имеет примерно схожий набор интересов, независимо от системы. Важные черты бюрократии — планирование и отчетность, что объясняет меньшую гибкость и большую консервативность бюрократических систем¹.

Вторым исключением из правила экономики излишка, которое отмечает Корнаи, является экономика военного времени. Действительно, если военные расходы оттягивают на себя значительную часть ресурсов страны, в потребительском секторе наблюдается дефицит, вводится рacionamento продуктов и различные ограничения на потребление. Однако эти явления дефицита временны и исчезают, как только отменяются ограничения военного времени и в дело вступают рыночная экономика и частная инициатива.

В связи с отмеченным выше, один из самых важных выводов, к которым приходит Корнаи, — отсутствие равновесия в экономике. Он отмечает, что если с явлением дефицита в социалистической системе и, соответственно, отсутствием равновесия в ней соглашается большинство западных экономистов, то мысль о том, что капиталистическая система характеризуется излишком, а значит, также находится вне состояния равновесия, воспринимается большинством в штыки. При этом западные экономисты не задумываясь признают присутствие постоянного излишка рабочей силы, когда говорят о «естественном» уровне безработицы. Корнаи подчеркивает, что спрос и предложение являются динамическими явлениями, постоянно взаимно обуславливающими друг друга, а потому всерьез моделировать их с применением равновесных моделей, подразумевающих статичность, стабильность, неизменность, невозможно, это противоречит внутреннему динамизму капиталистической системы. Вместе с тем он не предлагает отказаться от рассмотрения равновесия. Его следует использовать в качестве отправной точки анализа, изучая, насколько далеко реальная экономика отстоит от него в каждом конкретном случае.

Большое внимание в книге уделено методологическим вопросам. Одно из важных предложений Корнаи — объединить разные экономические школы и течения, взяв из них те модели и направления исследований, которые продвинулись дальше других в описании реального мира. Математическое моделирование, по мнению автора книги, имеет право на существование, но используемый математический аппарат, видимо, должен быть существенно расширен за счет привлечения достижений других наук, в первую очередь физики и эволюционной биологии. Причем экономисты должны постараться избегать влияния собственных политических взглядов и этических убеждений на исследования экономической реальности в рамках позитивной программы исследований.

К методологическим вопросам можно отнести и обсуждаемые вопросы измерения различных показателей. В частности, методики измерения избыточного предложения как товаров и услуг, так и рабочей силы, выработки подходящих для этого показателей. Кроме того, Корнаи отмечает, что наметившаяся линия

¹ Интересно отметить в связи с этим участвующую критику Евросоюза, как большой бюрократической машины, которая перестала соответствовать интересам граждан стран ЕС и принципам демократии. По этому поводу см., например, речи Вацлава Клауса на ряде мероприятий: <http://www.klaus.cz/clanky/3623>, <http://www.klaus.cz/clanky/3595>

на внесение изменений в экономическую статистику, ставящая целью измерить собственно качество жизни людей, должна принять во внимание также доступность современных инноваций в различных областях для обычных людей. Он неоднократно подчеркивает, что рост ВВП на душу населения не отражает того факта, что постсоциалистические страны перешли от экономики дефицита к экономике излишка, и их граждане получили доступ к товарам и услугам, облегчающим и улучшающим их жизнь. Важный вопрос, который поднимается в книге в связи со статистикой, — использование агрегированных показателей. К ним следует подходить с осторожностью, так как они могут недооценивать некоторые явления. Например, если измерять излишек предложения или спроса на рейсы в определенном направлении как разность за определенный период времени между пустыми креслами в самолетах и количеством пассажиров, которым было отказано в продаже билета, это может оказаться бессмысленным, так как пассажиры могут предпочитать рейсы в определенные дни недели или время суток.

Важное место в книге занимает оценка явлений, связанных с капитализмом с точки зрения ценностных суждений. Капиталистическая система может оцениваться по-разному, но при этом, по мнению Корнай¹, стоит быть последовательным. Обличать капитализм, используя многочисленные достижения, появившиеся только благодаря ему, — непоследовательно и указывает на недостаточную рефлексию, а также на пробел в образовании и просветительской деятельности. Указанный пробел существует как в профессиональном образовании — в базовых учебниках по экономике нет ни слова об инновациях, о представлении Шумпетера о месте предпринимателя в капиталистической экономике, — так и в просвещении общества — анализ выступлений ряда политиков по серьезным поводам содержал критику капитализма или отдельные упоминания о техническом прогрессе, но не о причинно-следственной связи между ними. Пусть и неявным образом, но книга призывает к пересмотру основ экономического образования², а также к усилению просветительской деятельности.

Подводя итоги, можно отметить, что, помимо отмеченного самим автором отсутствия финансового блока, основные идеи и выводы во многом обусловлены выбранным периодом исследования, который, хотя и не обозначен четко автором, угадывается в описании. В первую очередь в книге дается характеристика капиталистической системы после Второй мировой войны, когда производство основных товаров и услуг достигло таких объемов, что у потребителя появилась реальная возможность выбора. От «машины любого цвета при условии, что этот цвет — черный» экономика перешла в режим соревнования за внимание потребителей, что является одним из основных драйверов избыточного предложения. В связи с этим можно предположить, что Корнай описал одну из стадий капитализма, которая может смениться в не столь отдаленном будущем следующей стадией, где производство инноваций будет в большей степени определяться группами энтузиастов, что породит и новые черты системы. Это должно подтолкнуть экономистов к переосмыслению предмета исследования и отказу от устаревших концепций, в частности, от привычки к поиску равновесия³.

Ю. В. Вымятина,

канд. экон. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге

¹ Сам он относится к капитализму сугубо положительно и даже с благодарностью.

² В предлагаемом Корнай контексте положительным примером нового базового учебника по экономике может стать учебник, разработанный в рамках одного из проектов Института нового экономического мышления: <http://core-econ.org/>

³ Интересно отметить, что теория общего экономического равновесия появилась и была оформлена в том виде, в котором она преподается сейчас, только к началу того момента избыточного предложения, о котором пишет Корнай. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить, что в доказательстве существования равновесия используется функция избыточного спроса.

Актуальное наследие для демографов XXI века

Волков А. Г. Избранные демографические труды / сост. и научн. ред. А. Г. Вишневский. М.: ИД НИУ—ВШЭ, 2014. — 567 с.

Несколько поколений российских демографов XX в. оставили потомкам богатое научное наследие, которое только еще предстоит систематизировать и оценить по достоинству. Важным шагом на этом пути стала публикация в 2014 г. книги «А. Г. Волков. Избранные демографические труды», составителем и редактором которой является А. Г. Вишневский.

В книге собраны воедино важнейшие научные труды выдающегося российско-го демографа Андрея Гавриловича Волкова, опубликованные им в период с 1961 по 2007 г. Умело подобранные и структурированные материалы книги демонстрируют всю глубину и многогранность научного творчества Андрея Гавриловича.

Вступительная статья, написанная А. Г. Вишневским, раскрывает не только ключевые моменты биографии А. Г. Волкова (1931—2009), но и в яркой художественной форме представляет важные штрихи жизненного пути, позволяющие глубже понять и осмыслить его научные труды и личные человеческие качества. Текст вступительной статьи написан с такой теплотой и искренностью, что при чтении возникает нетерпеливое желание немедленно ознакомиться с содержанием книги.

Книга включает четыре раздела. В первом представлены труды наиболее общей направленности — о демографической науке, ее методологических основах и важнейших частных научных методах статистики населения. Второй раздел раскрывает проблематику организации и методологии российских переписей населения в историческом аспекте. Третий раздел содержит труды в области исследования института семьи и методов ее моделирования, в том числе основной фундаментальный труд А. Г. Волкова — монографию «Семья — объект демографии». В четвертый раздел включены труды по проблемам брачности и рождаемости.

Завершает книгу полный список опубликованных трудов А. Г. Волкова. Отдельно показан перечень статей, написанных им для «Демографического энциклопедического словаря» (1985) и энциклопедического словаря «Народонаселение» (1994).

Разграничение материалов по четырем разделам книги важно не только как способ представления отобранных для публикации в данном издании работ. Оно явилось, как нам представляется, в значительной мере результатом проведенной А. Г. Вишневским кропотливой работы по анализу основных направлений научной деятельности А. Г. Волкова. Вместе с тем, такое разграничение носит в определенной мере условный характер, поскольку ряд работ, если исходить из их конкретного содержания, включают информацию одновременно по нескольким разделам.

Например, представленная в первом разделе статья «Измерение и анализ демографических процессов» не менее чем на 50% посвящена вопросам измерения рождаемости и брачности, которые рассматриваются в четвертом разделе книги. Статья «О единице отбора при выборочном изучении населения», включенная в первый раздел, целиком построена на примере выборки семей и домохозяйств и, следовательно, соответствует также одновременно тематике третьего раздела книги. Непосредственно предметом исследования двух названных статей, действительно, как следует из их названий и самого содержания, являются методические основы демографической науки. Однако без этих материалов система сформированных Андреем Гавриловичем научных знаний об институте семьи и о процессах брачности и рождаемости была бы неполной.

Особо следует отметить, что в статье «О единице отбора при выборочном изучении населения» А. Г. Волков указывал на грубую методическую погрешность, которая в современных российских переписях населения устранена. Он писал: «Поскольку основа выборки не полна, не могут быть обследованы семьи пенсионеров, учащихся и некоторых других категорий населения». И далее: «...с нашей точки зрения наиболее правильный способ устранения возникающей систематической ошибки состоит в том, чтобы производить отбор из полной основы, т. е. из перечня совокупности семей. Поскольку такого перечня нет, целесообразно воспользоваться для отбора материалами переписей населения, а если обследование производится через значительный промежуток времени после переписи — произвести территориальный отбор» (с. 100). И это не единственный пример того, как А. Г. Волков в своих научных трудах предвосхитил важнейшие векторы совершенствования методологии демографической науки и статистики населения.

Отмеченная выше трудность однозначного распределения трудов А. Г. Волкова по конкретным разделам закономерно вытекает из такой характерной особенности его научного метода, как принцип раскрытия предмета исследования во всей его полноте и многогранности. Такой подход предполагает анализ внутренних и внешних связей, оценку явлений в динамике (ретроспектива, текущее состояние, перспективы на будущее), тщательный анализ возможностей и ограничений, накладываемых состоянием методологии науки и качеством исходной информации.

Отличительной особенностью творческого метода А. Г. Волкова является также стремление понять истоки, глубинную первооснову наблюдаемых явлений и закономерностей, разъяснить их суть в убедительной и доходчивой форме. Вопреки известным цензурным ограничениям того времени, для Андрея Гавриловича всегда приоритетной являлась задача поиска истины, даже в тех случаях, когда она была мало совместима с официальной точкой зрения.

Еще одна характерная сторона научного наследия А. Г. Волкова — исключительная ориентация на актуальную для своего времени тематику исследований. Внимание ученого было акцентировано на проблемах рождаемости, брачности, эволюции семьи. Но его сравнительно мало привлекали проблемы миграции и смертности. И действительно, в ту эпоху страна не была вовлечена в процессы международной миграции, а основные потоки внутренней миграции достаточно успешно регулировались государством в централизованном порядке. Для процесса воспроизводства населения наиболее острыми были проблемы рождаемости, которая, в свою очередь, зависела от состояния института семьи и брака.

Благодаря наличию в книге полной библиографии трудов А. Г. Волкова есть возможность проследить, как эволюционировали характер и тематическая направленность опубликованных им работ на протяжении почти полувекового периода научной деятельности. Очевидно, что Андрей Гаврилович осуществлял интенсивную научную деятельность, систематично, в устойчивом ритме — ежегодно им публиковалось по 3—6 новых работ. Столь же устойчивым во времени было «жанровое разнообразие» публикаций — статьи фундаментального характера в академических изданиях; статьи в стиле популярных изданий (но неизменно содержащие, одновременно, ценную новую научную информацию), адресованные массовой читательской аудитории; материалы докладов на научных конференциях; статьи в демографических энциклопедических словарях, в Большой советской энциклопедии, в Большой медицинской энциклопедии и др.; участие в составе авторского коллектива учебников для вузов.

Андрей Гаврилович придавал огромное значение массовому распространению демографических знаний. Будучи одним из ведущих специалистов в своей

области знания, он не пренебрегал работой над популярными изданиями — готовил специальные публикации для издания в обществе «Знание», в сериях «В помощь лектору», «Популярная демография».

Примечательно, что именно к А. Г. Волкову наиболее часто обращались авторы и издательства с просьбами о написании предисловий к научным демографическим изданиям, к учебникам по демографии. Причин тому было несколько: непререкаемый авторитет А. Г. Волкова в научном сообществе; тонкая, глубокая, объективная, заинтересованная и доброжелательная оценка им чужих трудов; почти фанатическая преданность интересам развития демографии в стране; и, наконец, постоянная бескорыстная готовность откликнуться на просьбы коллег.

Рассматривая тематическую направленность научных трудов А. Г. Волкова, можно, по нашему мнению, выделить пять основных сфер его исследований:

- демографическая наука в целом как область научных изысканий;
- переписи населения (современная практика и история): методология, организация;
- брачность и рождаемость;
- выборочный метод в демографии и статистике населения;
- институт семьи и семейная структура населения.

Первые три направления исследований устойчиво привлекали внимание А. Г. Волкова на протяжении всего периода его научной деятельности. Интерес к такой конкретной методологической проблеме, как корректное и адекватное его возможностям применение выборочного метода в демографии и статистике населения, направления его совершенствования, заметно ослаб во второй половине периода его научного творчества. Вероятнее всего, на тот момент методологические вопросы применения выборки в демографии были в основном исчерпаны. Чисто математические аспекты выборочного метода, вне связи с прикладными его вопросами в демографии, выходили за пределы области научных интересов ученого.

Таким образом, во второй половине периода научного творчества А. Г. Волкова его интерес к выборочному методу был вытеснен другой, более актуальной проблемой — исследованием института семьи. По убеждению ученого, семья как социальный институт оказывает существенное влияние практически на все важнейшие социально-экономические процессы в обществе. Прежде всего, как отмечает А. Г. Волков, «все демографические события либо происходят в семьях, либо тесно связаны с их составом и величиной» (с. 457). Это означает, что любой демографический процесс не может быть полноценно изучен без учета семейного фактора.

Соответственно тому, что с семьей связаны самые разнообразные общественные процессы, «семья является объектом исследования многих общественных наук — социологии, экономики, правоведения, этнографии, психологии, педагогики, демографии» (с. 216). «Тем не менее, — отмечает Волков, — приходится констатировать, что масштабы изучения семьи и его уровень пока не соответствуют ни демографической, этнической и социальной значимости данного объекта в нашем обществе, ни задачам, стоящим перед наукой и практикой в этой области» (с. 215). Поэтому не случайно, что свое монографическое исследование Андрей Гаврилович посвятил именно проблемам семьи.

Характерно, что вопросы методологии в разных ее аспектах занимают приоритетное место в трудах А. Г. Волкова, пронизывают все его научное творчество, однако интерес к ним строго ограничен их актуальностью при решении конкретных прикладных задач демографических исследований. Для Андрея Гавриловича вопросы методологии были важнейшей предпосылкой решения задач

демографического анализа, но не самостоятельной целью познания. Для него важно было найти такие способы обработки числовой информации, которые позволили бы наиболее точно измерить демографические процессы, обнаружить их скрытые за многообразием частных проявлений строгие закономерности и взаимосвязи. Поэтому А. Г. Волков в равной мере со всей тщательностью рассматривает как элементарные методы обработки числовой информации (средние величины, методы анализа вариации, метод стандартизации и др.) (с. 49—52, 53—56, 72—73), так и сложные математические модели (с. 463—469).

Парадоксальный факт: не ставя своей прямой целью совершенствование методологии работы с числовой информацией как предмета теории статистики, а обращаясь к ней лишь как к инструменту решения прикладных задач демографического анализа, А. Г. Волков в ряде случаев делает выводы и обобщения более тонкие и значимые, чем авторы трудов, специально посвященных статистической методологии.

Ограничимся для иллюстрации этого лишь одним частным примером того, как выдвигаемые Волковым положения обогащают методологическую базу статистической науки. В статье «Статистические методы изучения демографических процессов» оцениваются возможности применения в статистике населения методов построения средних величин и рядов распределения. Большую теоретическую и прикладную значимость имеют, например, следующие сформулированные Волковым положения.

Следует различать, указывает А. Г. Волков, два вида рядов распределения: 1) распределение по тем или иным признакам совокупности определенных материальных объектов и 2) распределение по тем или иным признакам совокупности событий конкретного вида. Специфика этих двух видов рядов распределения находит свое выражение в особенностях их интерпретации, формы распределения, значимости вычисляемых обобщающих показателей (с. 72—73). Относительно рядов первого вида Волков рекомендует отдавать предпочтение расчету не средних значений, а медианных. По рядам второго вида Волков предостерегает против поверхностной интерпретации, не учитывающей влияния той среды, в которой протекает процесс: «...сами по себе распределения демографических событий безотносительно к той среде, в которой они произошли, мало что дают для анализа и могут даже привести к неправильным выводам» (с. 74).

Надо заметить, что рассматриваемое разграничение видов рядов распределений актуально не только в области статистики населения, о которой идет речь в статье Волкова, но и применительно к другим областям статистических исследований, т. е. имеют универсальный характер.

Общепринятые положения теории статистики ориентированы обычно только на первый вид рядов. В статистической же практике применяются оба вида рядов без учета их специфики. Особенно актуально было бы использовать выдвинутые А. Г. Волковым методические положения при преподавании курса статистики в магистратуре.

В заключение необходимо отметить, что при всей широте тематики и «жанровом многообразии» научных трудов А. Г. Волкова они представляют в своей совокупности органичное целое, в котором каждая работа раскрывает конкретный аспект этой целостности. Такое единство научного наследия Волкова обусловлено также особым творческим «почерком» ученого: содержание каждой его работы не замыкается на конкретной теме, а дается в «привязке» к сопредельным и более общим вопросам демографии, и тем самым раскрываются роль и место данного частного вопроса в общей системе знаний о населении. И наоборот — обращаясь к фундаментальным проблемам демографической науки,

А. Г. Волков непременно делает определенные акценты на конкретные структурные компоненты научного знания, на сугубо частные аспекты проблемы, что обеспечивает целостное восприятие науки о населении и творческого наследия самого автора.

Все сказанное выше лишь в малой степени раскрывает значимость работ А. Г. Волкова, включенных в «Избранные демографические труды», и тем более — всю глубину и непреходящую ценность научного наследия ученого. Мы ограничились лишь изложением некоторых своих наиболее ярких впечатлений и ассоциаций, возникших при чтении данного издания, избегая повторения тех суждений, которые высказаны А. Г. Вишневским во вступительной статье.

Э. К. Васильева,
докт. экон. наук,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 352 с.

Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что ныне стало считаться несправедливым рассматривать проблематику справедливости (в экономике, в том числе бизнесе, в праве, не говоря уж о философии, этике, социологии) и, перечисляя наиболее авторитетных ученых в этой области, не упомянуть политического философа и этика, профессора Гарвардского университета Джона Роулза.

Пока не стал столь же несправедливым, но не исключено, что станет (ибо философ жив), пропуск другого политического философа и этика и тоже профессора Гарвардского университета — Майкла Сэндела, чья книга «Justice. What's the Right Thing to Do?» («Справедливость. Как поступать правильно?») недавно в русскоязычном переводе выпущена издательством «Манн, Иванов и Фербер». Хотя заметим, объективности ради, что места в русскоязычной Википедии Сэндел почему-то еще не удостоился; в англоязычной Википедии о Michael J. Sandel, разумеется, сказано и подробно; присутствует он и в других (всего 17 языков) версиях Википедии. Книги Сэндела переведены на 18 языков, но не менее, если не более, знаменит он своим онлайн-курсом лекций о справедливости «Harvard University's Justice with Michael J. Sandel» (сайт: <http://www.justiceharvard.org>).

Справедливость — бесконечная по объему тема, ибо спорами о справедливости и борьбой за нее пронизана вся история человеческого общества. И пока на Земле будут хотя бы два человека, будет и тема справедливости. Но Сэндел «уложил» (в русском переводе) эту тему в 334 страницы (прочие страницы книги к теме не относятся).

Рецензируемая книга состоит из 10 глав, начинающихся главой «Что значит “поступать правильно”?». Ряд приведенных в этой главе примеров демонстрирует, сколь трудным может быть вопрос о справедливом в реальной жизни. Подобных примеров — из областей экономики (из нее больше всего), политики, права, высшего образования, семьи и брака, этнических взаимоотношений и пр. — в книге много. И как сами примеры, так и открытое, без уверток обсуждение их Сэнделом резко отличаются от тех тривиальностей, которые бытовали в советских вузах, да и сегодня еще продолжают жить у нас, хотя и в другом обличье.

Перескажем, очень кратко, один из наиболее впечатляющих примеров «реальной моральной дилеммы» из первой главы книги — пример «Афганские пастухи» (с. 38—41; здесь и далее такая ссылка указывает страницу рецензируемой книги). Суть в следующем.

В 2005 г. разведгруппу из унтер-офицера М. Латтрелла и еще трех бойцов спецназа ВМС США забросили с секретным заданием в Афганистан на поиски одного из лидеров движения Талибан, близкого сообщника Усамы Бен Ладена. Разыскиваемый с отрядом боевиков находился в горной деревне. Когда разведгруппа заняла позицию на горном хребте над деревней, на американцев случайно вышли два безоружных афганских пастуха, пасшие коз. С пастухами был 14-летний мальчик. У американцев не было возможности связать афганцев, и они оказались перед выбором: или расстрелять очевидно невинных людей, или отпустить их, рискуя, что они сообщат боевикам об американцах вблизи деревни. Один из спецназовцев настаивал на расстреле, ссылаясь на воинский долг выполнить задание, с которым их заслали в тыл врага. Второй спецназовец был за то, чтобы отпустить невинных, а третий воздержался. Решающим был голос Латтрелла, который впоследствии в книге своих воспоминаний (на нее дает ссылку Сэндел) написал: «В глубине души я понимал, что мой товарищ [тот, что за расстрел. — *Е. М.*] прав. Вероятно, мы не могли освободить пастухов. Моя

проблема состоит в том, что у меня есть другая душа. Моя христианская душа. И она взывала к моему сознанию, в глубине которого что-то продолжало мне нашептывать, что хладнокровно расстрелять этих людей было бы неправильно». И Латтрелл проголосовал за освобождение задержанных. Последствия голосования: через полтора часа разведгруппу окружил отряд боевиков; в перестрелке трое подчиненных Латтрелла были убиты и был сбит американский вертолет, пытавшийся эвакуировать разведгруппу, все 16 военнослужащих на его борту погибли. Тяжелораненого Латтрелла, скатившегося по склону и проползшего 10 км, спасли американцы. И в своей книге он написал о своем голосовании: «Это было глупейшим, самым нелепым, самым дурацким решением, какое я только принимал в жизни. <...> Решающим голосом был мой, и мысль об этом будет преследовать меня, пока они ждут меня в могиле на кладбище в восточном Техасе» (с. 39).

Анализируя этот случай из жизни, Сэндел пишет: «Задним числом ответ Латтреллу очевиден: пастухов надо было расстрелять. Учитывая разыгравшуюся впоследствии катастрофу, трудно не согласиться с таким решением» (с. 40). Но это «учитывая». А не «учитывая» задним числом? Сэндел рассматривает разные аспекты этой и других, как столь же психологически трудных, так и менее трудных, но уж никак не легких реальных моральных дилемм.

Вторая глава — «Утилитаризм. Принцип максимального счастья» — посвящена философии утилитаризма Иеремии Бентама (называвшего идею естественных прав человека «ерундой на ходулях» (с. 48)), о которой Сэндел пишет: «В сущности, эта философия и по сей день мощной хваткой держит мышление политических деятелей, экономистов, руководителей бизнеса и рядовых граждан» (с. 48). Сэндел, конечно, критикует утилитаризм Бентама и защищавшего его Джона Милля, иллюстрируя критику случаями из жизни социумов — случаями, о которых интересно читать, но в которых трудно сказать, «как поступать правильно», даже тогда, когда этот вопрос нам задает книга, а не жизнь. Критикует, показывая, что невозможно низвести «все, имеющее моральное значение, к единой шкале удовольствий и страданий» (с. 64). При этом Сэндел не сводит критику к привычному для отечественного читателя возмущению утилитарным подходом к высшим человеческим ценностям и «даже» к картинам Рафаэля (на таком уровне Сэндел вообще «не работает»). Но, заметим, критика в основном сводится к анализу, хотя и весьма интересному, но все же проведенному лишь на уровне практических примеров, что, впрочем, можно объяснить тем, что тема главы — все же не высокие абстракции Канта или Роулза в сфере проблем справедливости.

Тема третьей главы — «Либертарианство. Являемся ли мы собственниками по отношению к самим себе?» — посвящена любимой теме человечества, разделенного на богатых и бедных: денежному перераспределению, вмешательству государства в дела рынка, философии свободного рынка, вопросам распределительной (дистрибутивной) справедливости. В этой же главе обсуждается формула Роберта Нозика (также профессора Гарвардского университета, американского философа и идеолога либертарианства): «Налогообложение всего, что заработано трудом, равносильно принудительному труду» (с. 82). Это, собственно, и порождает у Сэндела труднейший в практическом анализе вопрос: «Являемся ли мы собственниками самих себя?», ответ на который он ищет, опираясь на анализ тем справедливости: в заработках одного из самых высокооплачиваемых баскетболистов мира Майкла Джордана, в торговле органами живых людей в целях трансплантации, в помощи неизлечимо больным в совершении суицида, в канибализме на основе консенсуса.

Сэндел прав: «Многие наиболее острые дебаты о справедливости связаны с ролью рынков» (с. 94). Действительно, «справедлив ли свободный рынок?»

(с. 94). Это тема четвертой главы — «Рынки и нравы. Наемная помощь». Сказать, что эта проблема актуальна для России, — все равно что сказать общеизвестное, ставшее банальностью; последнее, впрочем, вовсе не значит, что нам известно решение проблемы. В этой главе Сэндел рассматривает «моральность оплаты, которую получают люди за выполнение двух очень разных видов работы — за ведение войн и вынашивание детей» (с. 95): «что справедливее: призывать людей нести воинскую службу или нанимать их для этого?» (с. 95), справедливы или нет коммерческие сделки о возмездном вынашивании детей и аутсорсинг суррогатного материнства? Поиск справедливости автор ведет, опираясь на историю американской практики, современную практику других стран, позиции американских политических и моральных философов и решения американских судов. Впоследствии (в девятой главе) автор заметит: «Споры о роли государства и рынков в значительной мере являются спорами о том, как предоставить индивидуумам наилучшую возможность самостоятельно преследовать свои цели» (с. 257).

Тема пятой главы — классическая для книг по проблеме справедливости. Название главы: «Иммануил Кант. Важность мотива: откуда берутся права человека?». В ней Сэндел показывает, что «наука может исследовать природу и изучать эмпирический мир, но не может отвечать на вопросы морали или опровергать свободу воли. Это происходит потому, что мораль и свобода — не эмпирические концепции. Нельзя доказать их существование, но невозможно и придать смысл нашей нравственной жизни, не предположив существования морали и свободы» (с. 155). Он же отмечает, что «в резком противоречии с либертарианскими идеями собственности людей на самих себя Кант настаивает, что люди — не собственники самих себя» (с. 156).

Интересно, что и тему Канта, проведенную на высоком уровне абстракции, Сэндел смог проиллюстрировать примерами из бизнес-практики (исключение представляет лишь пример под названием «Стал бы Кант защищать Билла Клинтон?» (с. 161—164); о последнем из названных Сэндел замечает, что «ни один современный американский общественный деятель не выбирал слова и не конструировал свои отрицания тщательнее Клинтон» (с. 161)).

Сэндел заканчивает главу, посвященную представлениям Канта о справедливом, словами: «Кант не говорил, на что походил бы этот воображаемый договор [речь идет о договоре, широко известном под именем общественного договора. — *Е. М.*] и какие принципы справедливости он может породить. Спустя почти 200 лет после смерти Иммануила Канта на эти вопросы попытается ответить американский политический философ Джон Роулз» (с. 166). Поэтому естественно, что следующая — шестая — глава посвящена этой «попытке».

Шестую главу — «Джон Роулз. Аргументы в пользу равенства» — Сэндел заканчивает словами: «Неважно, одержит ли теория справедливости Роулза в конце концов победу или провалится, но она представляет самый убедительный довод в пользу общества большего равенства из всех, какие когда-либо давала американская политическая философия» (с. 196). К идее «завесы неведения» Роулза Сэндел обращается не только в шестой главе, но эта глава замечательна той простотой и вместе с тем впечатляющей четкостью и яркостью, с какой изложена далеко не простая суть теории справедливости Роулза. По уже отмеченному обыкновению Сэндел и эту главу иллюстрирует примерами из экономических реалий в диапазоне от темы «нравственных пределов договоров» (с. 170—172) до сопоставления позиций Роулза и экономиста Милтона Фридмана (с. 195—196).

Но сказанное нами не следует понимать в том смысле, что Сэндел безоговорочно или с небольшими оговорками согласен с теорией справедливости Роулза. Нет! Правильно обратное: Сэндел во многом возражает Роулзу (значитель-

ная часть таких возражений и критики дана в девятой главе книги), и суть этих возражений, по нашему мнению, в том, что некоторые важные выводы из теории Роулза представляются Сэнделу если не практической утопией (такое прямо Сэндел нигде в книге не утверждает, но оно представляется нам легко выводимым из контекста анализа аргументов и выводов Роулза, выполненного Сэнделом), то в любом случае трудно реализуемыми на практике. И нам кажется, что такая оценка верна. А сомнительная практичность выводов ставит под сомнение адекватность используемых для таких выводов аргументов реальной жизни.

Логическим продолжением анализа (с позиций практики, но не только) теории справедливости Роулза, начатого в шестой главе, является обсуждаемое в седьмой главе — «В защиту аффирмативных действий». В ней обсуждается справедливость/несправедливость различного рода преференций, ставших характерными для гражданского общества в развитых странах во второй половине XX — начале XXI в. Например, справедливо ли отказать в зачислении в университет абитуриенту, показавшему более высокий уровень знаний, и вместо него принять показавшего более низкий уровень знаний, но принадлежащего к этническому меньшинству в стране; нарушают ли расовые или этнические преференции права тех, кто таковых преференций не имеет. Рассматривая историю белой студентки, которую не приняли в Школу права Техасского университета, но зато приняли афроамериканцев и американцев мексиканского происхождения, показавших при поступлении худшие результаты, Сэндел убедительно показывает, почему такое справедливо, и замечает: «Возможно, что это живучее убеждение в том, что успех следует рассматривать как вознаграждение за добродетель, — просто ошибка, миф, господство которого нам надо пытаться разрушить. Тезис Роулза о моральной произвольности везения ставит этот миф под большое сомнение. И все же отделить доводы в пользу справедливости от споров о “моральной пустыне” так решительно, как предлагают сделать это Роулз и Дворкин [американский и британский юрист, политолог, философ и теоретик права, много занимавшийся темой справедливости. — *Е. М.*], пожалуй, невозможно; невозможно и политически, и философски» (с. 211).

Показав, что «философские доктрины Канта и Роулза являются смелыми попытками найти основание справедливости и прав, которое было бы нейтральным в отношении конкурирующих представлений о благой жизни», Сэндел переходит к восьмой главе — «Аристотель. Кто чего заслуживает?», где рассматривает взгляды Аристотеля на цели политической деятельности (на первый взгляд, такая последовательность глав странна, но у Сэндела она воспринимается вполне логичной) и на этом фоне анализирует исключительно трудные в психологическом и моральном плане две реальных ситуации из жизни инвалидов (по одной из них дело рассматривалось Верховным судом США). И показывает в этой главе (продолжая начатое в седьмой), что «споры о справедливости и правах часто и неизбежно оказываются спорами о цели социальных институтов, о благах, распределяемых этими институтами, и о добродетелях, которые почитают и вознаграждают эти институты. Как бы мы ни старались сделать закон нейтральным в отношении таких вопросов, сказать, что справедливо, не рассмотрев природу благой жизни, пожалуй, невозможно» (с. 244).

Девятая глава «Дилеммы лояльности: что мы должны друг другу?» начинается с замечания о том, что «последние десятилетия принесли поток острейших споров, вызванных публичными извинениями, которые приносят за совершенные в прошлом несправедливости» (с. 245). Такие споры хорошо знакомы и нам — тема «покаяния». Сэндел замечает: «Суть дела — признание ответственности. Сожалеть о совершенной несправедливости может любой. А приносить извине-

ния за эту несправедливость может только тот, кто каким-то образом причастен к этой несправедливости» (с. 250).

Но тщательный анализ проблемы «покаяния» в девятой главе, помимо демонстрации интересных практических выводов из него, используется Сэнделом прежде всего для показа слабых мест теорий Канта и Роулза. Одно из наиболее слабых характеризуется Сэнделом так: «Кантианская идея автономной воли и идея гипотетического соглашения, заключенного под завесой неведения, Роулза имеют общий элемент: обе идеи рассматривают морального субъекта как существо, независимое от его частных, особых целей и привязанностей. Когда мы проявляем волю к нравственному закону (о чем говорит Кант) или выбираем принципы справедливости (о чем говорит Роулз), мы делаем это безотносительно ролей и сущностей, которые определяют наше положение в этом мире и делают нас теми конкретными людьми, какими мы и являемся» (с. 253).

Позиция самого Сэндела иная: «Есть изъян и в стремлении найти принципы справедливости, которые были бы нейтральны по отношению к конкурирующим целям благой жизни. По крайней мере, я пришел к этому выводу. ...Я не думаю, что свобода выбора (даже свобода выбора в справедливых условиях) — адекватная основа справедливого общества. Более того, попытки найти нейтральные принципы справедливости кажутся мне вводящими в заблуждение. Определить наши права и обязанности, не занимаясь содержательными моральными вопросами, не всегда получается. И даже в тех случаях, когда это возможно сделать, это может быть нежелательным» (с. 259).

Обосновывая свою позицию, Сэндел привлекает концепцию нарративной идентичности американского политического философа и этика Аласдера Макинтайра (Сэндел называет ее нарративной концепцией (с. 260)). Здесь не место вдаваться в обсуждение аргументов Сэндела. Заметим только, что для аргументации привлекаются среди прочего и примеры решений экономических проблем США, и укажем некоторые из выводов Сэндела: «Способность испытывать гордость и стыд за действия членов семьи или соотечественников связана со способностью к коллективной ответственности. И то и другое требует, чтобы мы рассматривали самих себя как личностей, занимающих конкретное положение, несущих моральные узы, которые не выбраны нами и заложены в нарративах, формирующих нашу идентичность как моральных субъектов» (с. 276) — критическое отношение к позициям Канта и Роулза здесь очевидно.

Еще более четко критическое отношение Сэндела к этим позициям выражено в следующем тексте:

«Вынесение концепций благой жизни на общественное обсуждение справедливости и прав может поразить вас как совсем непривлекательная, даже пугающая перспектива. В конце концов, вопрос о наилучшем образе жизни вызывает разногласия среди людей, живущих в плюралистических обществах вроде нашего. Либеральная политическая теория возникла как попытка избавить политику и право от вовлечения в моральные и религиозные контroversы. Философские системы Канта и Роулза представляют самое полное и ясное выражение этого устремления.

Но это устремление не может быть успешным. Многие из наиболее ожесточенно оспариваемых вопросов справедливости и прав невозможно обсуждать, не поднимая вызывающих разногласия моральных и религиозных проблем. При решении вопроса о том, как определять права и обязанности граждан, вынести за рамки обсуждения конкурирующие концепции благой жизни не всегда возможно. И даже в тех случаях, когда такое вынесение за скобки возможно, оно может оказаться, пожалуй, даже нежелательным.

Просить граждан демократического общества отрешиться от их нравственных и религиозных убеждений при обсуждении общественных проблем может казаться способом обеспечения терпимости и взаимного уважения. Но на практике верно, скорее, противоположное. Решение важных общественных проблем с претензией на нейтральность, которая недостижима, — рецепт получения сильного движения вспять и обиды» (с. 285).

В последней (заключения в книге нет) — десятой главе — «Справедливость и общее благо» — Сэндел своим анализом роли религии в политике американских президентов Джона Кеннеди, Барака Обамы, Рональда Рейгана и отражения этого в экономической политике демократов и республиканцев, анализом дебатов об абортах и стволовых клетках и дебатов об однополых браках (последних с обильным цитированием мнения председателя Верховного суда штата Массачусетс; этот штат в 2003 году стал первым штатом, юридически признавшим однополые браки) уже прямо показывает, что отдает предпочтение одному из вариантов «подхода к понятию справедливости», — подходу, согласно которому «справедливость сопряжена с культивированием добродетели и размышлениями об общем благе» (с. 304) (вот для чего ранее Сэнделу понадобилось обращение к Аристотелю).

Но далее, обосновывая свой подход и агитируя за него, Сэндел приходит к выводам, которые нам, возможно ошибочно, представляются очередной утопией. Приведем лишь один из примеров таких выводов: «Чтобы достичь справедливого общества, необходимы общие, коллективные размышления о смысле хорошей жизни...» (с. 305). Возможно, в полисах времен Аристотеля такое и могло быть осуществимо (смущает, правда, история Сократа), но нашему времени не поможет и Интернет. Впрочем, Сэндел, похоже, и сам это осознает, ибо пишет: «Гарантий того, что общественные размышления над трудными моральными вопросами в любой конкретной ситуации приведут нас к согласию или хотя бы к пониманию нравственных и религиозных взглядов других людей, нет» (с. 314).

Сэндел, конечно, прав, указывая, что «одной из самых поразительных тенденций нашего времени является расширение рынков и ориентированного на рынки мышления в сферах жизни, которые традиционно регулировались нерыночными нормами» (с. 309), и утверждая, что «если мы не хотим позволить рынкам переписывать нормы, регулирующие деятельность общественных институтов, нужна общественная дискуссия о моральных пределах рынков» (с. 310). Вот только как провести такую дискуссию на практике и к каким результатам она может привести?

Видимо, правильна максима Сэндела из шестой главы (где он говорит о И. Канте): «Философы не всегда лучшие авторитеты в том, как применять их теории к практике» (с. 155).

Е. Ф. Мосин,
канд. техн. наук,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

Vries de W. F. M. Travels through the Russian Empire. Netherlands: Falstaff Media, 2010. — 212 p.

«Путешествия по Российской империи» — книга, написанная голландским ученым-статистиком Вильямом де Вризом в 2010 г., — является своеобразным собранием впечатлений и мыслей автора от многочисленных деловых и личных поездок по странам бывшего Советского Союза. Интерес к России у автора возник еще в студенчестве в начале 1960-х гг. с прочтением произведений русских классиков — Толстого, Гоголя, Чехова, Пушкина. Первый визит профессора де Вриза в Россию состоялся в 1981 г., всего же путешествия, описанные в книге, заняли у автора более 27 лет.

Вильям де Вриз — действующий член Статистической комиссии ООН, президент этой комиссии в 2002—2004 гг. Статистическая комиссия ООН была учреждена в 1946 г., ее работа направлена на улучшение развития статистической работы в различных странах и как результат увеличения уровня сопоставимости полученных данных, консультирование ООН по общим вопросам, содействие общему улучшению статистических данных и методов. Работа профессора в данной организации послужила ключевым моментом создания этой книги. С начала 1980-х по 2010-е гг. именно в рамках развития статистики на территории бывшего Советского Союза автору удалось посетить большинство крупных городов и республик.

Имея значительный опыт общения как в профессиональной, так и в бытовой сфере с жителями СССР и будучи женатым на женщине родом из Украины, неудивительно, что автор решил посвятить целую книгу своим путешествиям по России и бывшим советским республикам.

Профессор де Вриз упоминает, что вдохновением для него послужила книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», написанная более 170 лет назад, однако содержащая эпизоды описания жизни в России, которые актуальны и в наше время. Таким образом, профессор попытался повторить опыт иностранцев, пытавшихся описать жизнь в России.

Знакомство с «Российской империей» автор начинает с командировок в Москву и Санкт-Петербург в 1981 г., впоследствии описывая свои путешествия по Кавказским республикам, Центральной Азии и Балтийским республикам. Все путешествия вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. сопровождаются высоким уровнем контроля над приезжими, строгой конфиденциальностью и сугубо профессиональной направленностью. Тем не менее, несмотря на большое количество формальностей и запретов, автор отмечает неизменное гостеприимство и готовность советских жителей поделиться своей культурой, ввести в свой круг знакомств. Наверное, это и послужило залогом того, что автор приобрел множество друзей и знакомых среди своих местных коллег.

Интересен тот факт, что автор, будучи иностранцем, в своем повествовании уделяет внимание только тем вещам, которые ему запомнились как необычные и не соответствующие традициям и обычаям в его родной стране. К примеру, у автора вызывают недоумение широкие проспекты и улицы, огромные здания с большими залами и аудиториями, которых в Москве и крупных российских городах большое количество, такие размеры кажутся ему неорганичными и безликими в архитектуре, так как не соответствуют реальным человеческим масштабам. Еще одна вещь, неприемлемая для сознания европейского человека, — это не осуждаемое, а даже поощряемое обществом желание подчеркнуть свой статус и положение — дорогие украшения, одежда, аксессуары, квартиры, машины. В Европе, по мнению автора, — это в высшей мере неприлично, в России же — предмет гордости, а для менее обеспеченных слоев населения — стимул увеличения заработка.

Особое отношение автора к Михаилу Горбачеву: он отмечает, что в то время как популярность Горбачева на Западе росла, на родине многие считали его человеком, развалившим Советский Союз. При нем начался процесс перестройки,

отдаленно напоминающий рыночную экономику западных стран, впервые было разрешено создание частных предприятий, даже появилась возможность привлечения иностранных инвестиций в советскую экономику. Не менее важным шагом профессор считает политику гласности, заключающуюся в существенном послаблении цензуры, снятии многих информационных барьеров, к примеру, были открыты секретные секции библиотек, у советских граждан появился доступ к иностранной прессе, публикациям. Безусловно, это послужило ослаблению контроля Коммунистической партии над всеми республиками, всенародной критике правительства Сталина. По мнению автора, Россия со второй половины 1980-х гг., с момента принятия политики гласности прошла значительный путь, однако и по сей день правительство стремится ограничить доступ населения к информации, особенно в моменты кризиса и форс-мажорных обстоятельств, в качестве примера де Вриз приводит трагедию в Курске в августе 2000 г. Мой личный интерес в данной книге заключается в том, что мне как человеку, родившемуся в начале 1990-х гг., не удалось быть осознанным очевидцем большинства событий, описанных автором; я не могу похвастаться таким количеством путешествий, как автор, тем более что на данный момент большинство описываемых республик — отдельные государства, и больше не являются частью одной страны; мои познания о периодах 80—90-х гг. взяты из учебников истории и рассказов родственников; тем интереснее получить альтернативную точку зрения от жителя европейского государства. Это, я думаю, позволяет составить наиболее полную и объективную картину событий. Безусловно, что-то в нынешней России и республиках бывшего СССР осталось прежним, однако и многое изменилось.

Низкий уровень обслуживания, отсутствие демократии, цензура, высокое социальное расслоение общества, пренебрежительное отношение к правилам и закону, коррупция — достаточно стандартный набор негативных аспектов, который бросается в глаза европейскому жителю. Разумеется, с какими-то высказываниями автора о России и СССР хочется поспорить, так как существует ряд вещей в Западной Европе, в том числе и Голландии, которые вызывают недоумение и у нас, но ведь автор и не претендует на полную достоверность, очевидно, что данная книга — это субъективное восприятие иностранного человека, хоть и хорошо образованного и имеющего достаточно опыта общения с советскими жителями.

Несмотря на большое количество критики жизни в постсоветском пространстве, в повествовании, особенно в более поздние визиты, ощущается привязанность и даже любовь автора к местной культуре и жизни. Де Вриз в своей книге рассказывает о случае, когда он в очередной раз посетил СССР со своим голландским коллегой, который приехал сюда в первый раз. Коллега принялся критиковать гостиницы, аэропорты, обслуживание, и тогда рассказчик замечает, что в отличие от коллеги все окружающее кажется ему нормальным и привычным, так как автор уже достаточно увидел и узнал к тому моменту и проникся российским образом жизни.

Хотелось бы также поблагодарить автора за простое и увлекательное повествование своих путешествий. Автор является статистиком по профессии, и, разумеется, большинство поездок в СССР были рабочими, однако в книге очень мало статистических деталей и терминов, а больше ощущений и впечатлений, и, на мой взгляд, это сделало книгу доступной более широкому кругу читателей.

В целом книга будет интересна каждому: как иностранцу — в качестве своеобразного путеводителя по традициям и нравам российского человека, так и жителям России и СНГ — как взгляд со стороны, альтернативная точка зрения на наш образ жизни, возможность сравнить свое внутреннее восприятие с менталитетом представителя западной культуры.

Уланов В. А. Сборник задач по курсу финансовых вычислений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2014. — 352 с.

В последние двадцать пять лет в России было опубликовано много пособий по финансовым вычислениям (некоторые авторы называли свои курсы как высшие финансовые вычисления) и финансовой математике. Заметим, что нередко эти курсы содержали, с различной степенью наполнения, следующие темы: простые и сложные проценты, денежные потоки и приложения. Мы не имеем в виду работы по стохастической финансовой математике, которые успешно ведут, в частности, сотрудники А. Н. Ширяева. В некоторых пособиях предлагались задачи для самостоятельного решения и часто без ответов. Однако специальных книг, посвященных решению задач финансового характера, было не так много. Одна из первых — это сочинение В. А. Уланова «Сборник задач по курсу финансовых вычислений», изданное в издательстве «Финансы и статистика» в 2000 г. В связи с востребованием такой работы в 2003 г. была осуществлена допечатка тиража. В 2014 г. было осуществлено второе издание пособия. Безусловно, ряд числовых характеристик в условиях задач изменились (ведь прошло почти пятнадцать лет после первого издания), но структура книги, за некоторыми изменениями, осталась прежней. Но существует и ряд дополнений.

Содержание книги вполне соответствует названию, в ней представлены задачи, связанные именно с финансовыми вычислениями. Первая глава посвящена простым процентам. Подробно обсуждаются процентная и учетная ставки, наращение и дисконтирование в условиях простых процентов, способы погашения кредита, влияние инфляции при финансовых расчетах, валютные расчеты, замена платежей, что нередко при изменении условий контракта. Во второй главе речь идет о сложных процентах. Структура главы в определенной степени совпадает с построением первой главы. Здесь же изложено понятие эквивалентных ставок, которое весьма важно, в частности, при анализе денежных потоков (например, когда период аннуитета не совпадает с периодом начисления процентов). В третьей главе рассматриваются аннуитеты. Понятие аннуитета автор трактует в некотором широком смысле, когда необязательно все платежи равны (в последнем случае говорится о постоянном аннуитете). Видимо, заданный объем книги не позволил включить задачи по оценкам инвестиций, по способам погашения долгосрочной задолженности, по оценкам ценных бумаг и т. п. Однако такой материал достаточно подробно (с примерами) изложен в «Курсе финансовых вычислений», написанном в соавторстве с В. В. Ковалевым (четвертое издание 2012 г.). Конечно, задачник корреспондирует с этой книгой, включая терминологию и обозначения, и как автор указывал в первом издании задачника, что пособие являлось необходимым дополнением для «Курса...».

Как указывает сам автор во введении, каждая глава содержит ряд параграфов, состоящих из четырех разделов: а) основные положения; б) вопросы для обсуждения; в) типовые примеры и методы их решения; г) задачи для самостоятельного решения. В первом разделе очень кратко, но достаточно полно представлены основные понятия по соответствующей теме. Не совсем обычен для задачников второй раздел, содержащий по всем темам большое количество вопросов, которые в ряде случаев представляют собой задачи, которые, впрочем, можно решить и устно. Например, сколько будет 5% от 5% (см. с. 10)?

При решении типовых примеров (которых около двухсот) автор нередко выходит за рамки условий задачи. И если решение укладывается буквально в две строчки, то потом идут рассуждения, а что будет, если немного изменить условия. Часто приводятся два способа решения одного и того же примера, что, безусловно, говорит о разнообразии методов решения, и, что важно для практиче-

ской деятельности, возможность проверки результата. Так при решении примера 1.2.3 (с. 21—22) указывается, что число приближенных и точных дней ссуды могут достаточно сильно отличаться друг от друга, что вообще-то не очевидно. Или в примере 2.1.4 (с. 138—140) представлены, кроме известных схем начисления сложных процентов в случае нецелого числа лет (формулы 55 и 57), другие возможные схемы (попутно рассматривая возможные методы наращивания и дисконтирования). Подобное можно сказать и о примере 2.1.7 (с. 142—144), как и о других. Конечно, такого рода решения полезны для обучающихся. В последнем разделе (каждой главы) предлагаются задачи для самостоятельного решения (в количестве более пятисот). В отличие от многих опубликованных задачников (например, таких авторов, как Г. П. Фомин, Т. Н. Белова), ко всем без исключения даны ответы. Ведь студент должен быть уверен, правильно ли он решил задачу, адекватным образом он усвоил материал или нет. Вообще задачи без ответов — это набор некоего текста, ничего не значащегося.

При решении задач о замене платежей в условиях простых процентов (в отличие от сложных) практически никто не обращает внимание на указание момента приведения всех платежей. Но от этого зависит и ответ! Автор в каждом примере и задаче обращает на этот факт внимание при составлении уравнения эквивалентности (см., в частности, пример 1.9.3 на с. 121—122).

Представляется целесообразным, что автор во втором издании исключил публикацию финансовых таблиц, которые занимали немало места. В настоящее время в связи с развитием компьютерной техники таблицы перестали играть важную роль. А ведь около полутора века назад замечательный ученый З. Парето потратил много лет на составление таблиц, связанных с определением ставки в аннуитете. Автор приводит в качестве иллюстрации четыре финансовые таблицы. Возможно, нелишне упомянуть, что достаточны только две. Например, в терминологии автора, это $FM_1(r, n)$ и $FM_4(r, n)$. Так как $FM_2(r, n) = 1/FM_1(r, n)$, а $FM_3(r, n) = FM_4(r, n) \cdot FM_1(r, n)$.

Естественно, не хватает указаний на использование финансовых функций, например, в табличном процессоре Excel. Однако известны методические разработки автора, где подчеркивается, что только знание формально финансовых функций не позволяет решать многие задачи. Отсюда подчеркивается и важность такого понятия, как годовая эффективная ставка. В частности, это можно видеть при решении примеров раздела 2.1 или примера 3.1.5 на с. 349.

Публикация таблиц порядковых дней в году (365 и 366 дней), безусловно, облегчает решение многих задач, но, видимо, они не столь обязательны. Кстати, в дореволюционной России печатались аналогичные таблицы и для так называемого коммерческого года (360 дней).

Возможно, не стоило так подробно останавливаться на таких устаревших понятиях, как «проценты со 100», «проценты на 100», «проценты во 100» (с. 10, 13, 14, 134). Например, вопрос о связи дисконтирования по сложной процентной ставке и «процентов на 100». Да, они были распространены не только в России, но это было более века тому назад. Хотя с исторической точки зрения, конечно, это представляет интерес.

Безусловно, хотелось бы иметь задачи по терминологии автора с нечисловыми данными не только по простым процентам. Ведь методы высшей математики позволяют взглянуть и обсудить многие результаты достаточно с необычной точки зрения. Например, начисление сложных процентов несколько раз в год или учет векселя (см. с. 337). Или же использование неравенства между средним арифметическим и средним геометрическим (см. с. 340).

К некоторым вопросам для обсуждения необходимы ответы. Одно дело, когда можно довольно точно ответить на вопрос теоретического характера, напри-

мер: «Как соотносятся величины наращенных сумм при начислениях по схеме простых и по схеме сложных процентов?» (см. с. 134). Другое дело, когда ответ предполагается получить в числовом варианте, не всегда очевидном (например, на с. 102: «В первом году инфляция составила 200%, в следующем году индекс инфляции был равен 2. Во сколько раз выросли цены за эти два года?» Или на с. 103: «Как изменится за два года индекс потребительских цен, если в первый год дефляция составила 10%, а во втором году инфляция равнялась 10%?»

Привлекает внимание и тщательно подобранный список предлагаемой литературы. Здесь по существу нет случайных авторов. Представлены как авторы классических учебников (Р. Брейли и С. Майерс, Ю. Бригхем и Л. Гапенски, Л. Крушвиц), так и некоторые современные и достойные, по мнению автора, быть упомянутыми, безусловно, такие, как Е. М. Четыркин, с опубликованием работ которого связано возрождение финансовых вычислений в России. Видно, что автор хорошо знаком как с дореволюционными изданиями, так и с современными. Весьма обширный список литературы приведен в уже упомянутом «Курсе...».

В целом задачник является неплохим подспорьем при изучении основ финансовой математики и, что очень важно, изучения предметным образом ее основ.

Е. А. Исакова,
канд. физ-мат. наук,
Балтийский государственный
технический университет (Военмех)